

Император, получив это известие, пришел в неистовую ярость.

Гнев Сына Неба подобен раскату грома. Его лицо помрачнело, и еще до того, как он успел произнести хоть слово, огромный тронный зал словно окутался серой, гнетущей пеленой.

Сановники, евнухи, стражники — все они были до смерти напуганы.

— Его похитили?

— Да...

— В самом сердце столицы, под конвоем, по пути в Небесную тюрьму — у них из-под носа увели заключенного?

— Да... — Военный чин, прискакавший с донесением, выглядел жалко и подавленно. Он дрожал от страха, склонившись в глубоком поклоне, уткнувшись лбом в холодные плиты пола и не смея пошевелиться.

Ненависть!

Какая ненависть!

Император пристально смотрел на никчемного слугу, распластавшегося у подножия ступеней. Если бы не многолетняя выдержка, привычка к самоконтролю и мысли о том, что история не прощает ошибок, он сошел бы с трона и насмерть забил бы этого идиота сапогами!

Под ногами самого Императора, при задействованных войсках — и не справиться с кучкой киданьских отбросов?

Крошечная чашка из теплого нефрита в его руке едва не треснула, а горячее молоко, расплескиваясь от дрожи пальцев, капало на императорский стол.

— Ваше Величество, умоляю, умерьте гнев, — левый премьер-министр, на чьих плечах лежала ответственность за дела государства, дрожащим голосом прервал тишину. — Сейчас не время для гнева. Происшествие в Резиденции киданей и исчезновение их принца — это вопрос государственной важности, затрагивающий отношения между двумя странами. Нужно думать о том, как объясниться перед киданями...

— Ты предлагаешь Мне просить прощения у киданей?

Император окинул его острым, как бритва, взглядом. У левого премьер-министра подкосились ноги, и он рухнул на колени.

Правый премьер-министр, вечно враждовавший с левым, понимал: если кидани пойдут войной — это как кипяток в крысину нору, всем не поздоровится. В такой ситуации нельзя не помочь.

— Ваше Величество! Левый премьер-министр не сказал ничего предосудительного! — Правый премьер-министр поправил полы одежд и, бухнувшись на колени, вскинул голову: — Сегодня утром Ваше Величество издали указ об аресте киданьского принца, и я, старик, узнав об этом в своем поместье, был крайне встревожен. Ваше Величество — мудрый и просвещенный правитель, истинный святой государь! То, что принца похитили по пути — знак того, что

Небеса оберегают своего ставленника!

— О? — Худое, красивое лицо Императора дернулось, и он холодно спросил: — И каким же образом это оберегание Небес?

— Это... — Правый премьер-министр набрался смелости: — Ваше Величество, кидани уже не те, что прежде. С ними можно лишь договариваться, но никак не давить силой. Вы издали указ об аресте принца, но поскольку его похитили до того, как он попал в Небесную тюрьму, еще не поздно исправить ошибку. Нужно лишь вызволить принца из беды, окружить его заботой, и отношения между нашими странами будут спасены.

Над залом повисла тишина, от которой нечем было дышать.

Спустя долгое время Император медленно произнес:

— Ты хочешь сказать, что сегодня Я был не в своем уме и издал ошибочный указ? А теперь, раз уж кто-то подвернулся под руку и взял на себя ответственность, мне стоит воспользоваться этой передышкой, скрыть Свой утренний бред и избежать расплаты с киданями, так?

Эти слова, острые и безжалостные, словно срезающие мясо с костей, бросили обоих министров в холодный пот. Они начали отбивать поклоны:

— Не смеем! Мы не смеем так думать! Но... Небесная Династия действительно не может позволить себе войну с киданями!

Следом за ними в зале раздался гул — чиновники, стоявшие позади и без того напуганные, были окончательно выбиты из колеи голосами премьеров и массово опустились на колени.

Нельзя воевать! Ни в коем случае нельзя!

Кидани — варвары, дикари, не знающие правил приличия.

Но какова их мощь? Каково их оружие?

Конечно, за неуважение перед лицом монарха полагается смерть, но если этот человек — принц киданей, то даже будь он в сто двадцать раз грубее... воевать нельзя!

Толпа смелеет, и вот уже со всех сторон раздались выкрики.

— Ваше Величество, прошу, выслушайте смиренного слугу!

Желающих высказаться нашлось немало.

— Делу с принцем киданей нужно придать глубокое осмысление...

Более рассудительные добавляли:

— Прошу прощения за дерзость, но проясните, в чем именно преступление принца.

Чиновники из Министерства чинов, которые вообще не должны были заниматься иностранными делами, оказались втянуты в этот спор против воли, так как именно у их ворот

стоял барабан для жалоб. Они взывали к справедливости:

— Остатки посольской группы уже бьют в барабан у наших ворот, требуя суда! Послы других стран, находящиеся в столице, сбежались поглазеть, мы не в силах с ними справиться. Они требуют, чтобы мы объяснили, что значит это выражение — неуважение перед лицом монарха... Они требуют вернуть им принца!

Седовласый старый цензор был так взволнован, что едва мог говорить:

— Ваше Величество... ни в коем случае... нельзя начинать войну! Увы... я служил еще покойному императору, и перед смертью он наказывал... эта бескрайняя прекрасная империя...

Генералы же, напротив, выпрямились во весь рост, скрестив руки на груди, и заговорили громогласно:

— Просим позволения возглавить войска для погони за преступниками! Мы обязательно вернем принца киданей!

Император смотрел на эту толпу раболопных слуг, которые кричали, молили и каждый гнул свою линию. От этого шума в ушах звенело, и казалось, он вот-вот потеряет сознание от ярости.

Прояснить преступление принца.

Объяснить, в чем заключалось неуважение.

Разве можно это сказать?

Ублюдки!

— Всем молчать! — внезапно рявкнул Император, сотрясая стены дворца.

В одно мгновение в зале воцарилась гробовая тишина.

Император холодно усмехнулся.

Будучи Сыном Неба, стоя на своей земле, под своей крышей, перед толпой своих слуг, он вдруг ощутил полную пустоту и беспомощность.

— Я уже сказал: Цан Нуо проявил неуважение перед лицом монарха. Вы все читали классические книги, разве вам не знакомы эти слова? Неуважение к Сыну Неба — это преступление! — голос Императора стал тише, но слова — ядовитее. Он сдерживал гнев и с натянутой улыбкой спросил: — Вы все — высшие сановники, мои слуги, чьи жизни принадлежат мне. Когда чужеземцы проявляют неуважение к вашему господину, вы не думаете о том, чтобы защитить его честь, не думаете о верности, а только трясетесь из-за войны и чужой мощи. Вы... вы все еще считаете меня своим господином?

В огромном дворце не раздалось ни звука.

Люди у подножия трона словно окаменели. Лишь изредка их глаза бегали, украдкой

обмениваясь взглядами, но тут же отводились в сторону.

— Ваше Величество... — раздался голос в тишине.

Император поднял глаза и увидел, что у входа в зал стоит Девятый князь.

Он только что успокоил избитого Юлана и, узнав о том, что министры собрались во дворце с коллективным прошением, поспешил сюда.

— Ваше Величество, вы — повелитель народа и повелитель чиновников, — Девятый князь обвел взглядом спины дрожащих министров и тяжело вымолвил: — Но хотя государь велик, страна — еще важнее. Покойный отец вручил Небесную Династию вам на плечи... Ваше Величество... второй брат... эта бескрайняя империя — ваш истинный господин...

Император резко распахнул глаза и пошатнулся.

Девятый князь тоже опустился на колени у порога:

— Что бы ни совершил принц киданей, как бы невыносимо это ни было, я умоляю вас... простите его.

Император не сводил глаз с родного брата. Казалось, из него вынули всю силу, не оставив ни капли. Он бессильно осел на трон. Евнухи, прислуживавшие при нем, бросились было к нему, но он мягко отстранил их.

Император медленно обвел взглядом своих рабов. Его сердце словно покрылось пеплом, поднятым со дна зимнего озера, — таким холодным, что губы его посинели.

— Уходите все, — долгое время спустя произнес он. Увидев, что чиновники снова подняли головы, он добавил сухо: — Не говорите со мной. Я... не хочу никого из вас слышать.

Верно.

Он — их господин, и он — раб этой бескрайней империи.

Только император.

Но не Чжэн-эр.

Никому нет дела до Чжэн-эра.

Что с Чжэн-эром? Что случилось? Через что он прошел? Какие обиды перенес?

Никому не будет дела.

<http://bllate.org/book/21146/2144233>